

Каковы социальные функции лука и стрелы в шаманстве

Л. П. Потапов

Лук и стрела в шаманстве у алтайцев

1

Древнейшим типом производства на Алтае является охота на зверя. Охота сохранила здесь свое значение, преимущественно в виде промысла на пушного зверя, до наших дней. У племен северного Алтая (например, у шорцев, шелканцев, тубаларов) зверовой промысел до сего времени составляет ведущую отрасль производства. Социалистическое переустройство хозяйства на базе коллективизации у значительной части указанных племен происходит по линии организации промысловско-кооперативных товариществ охотников, представляющих собой артельную форму колхозного строительства у охотников, где трудодень еще год тому назад исчислялся в белках.

Зверовой промысел у племен северного Алтая сохранил много архаизмов, пережитков, связанных с эпохой первобытного коммунизма как в области общественных отношений производства и распределения, так особенно и в технике охотничьего производства, где сохранились древние, примитивные орудия производства, приемы и способы охоты на различных зверей. Эти архаические остатки, сохранившиеся в области охотничьего производства, представляют собой ценнейший материал, почти единственный источник для суждения о древнейших этапах общественного развития племен северного Алтая.

В данном очерке мы подвергаем рассмотрению недавно вышедший из употребления у северных алтайцев охотничий лук, считая его одним из наиболее распространенных и древнейших орудий производства у охотничьих племен Алтая, и попытаемся показать отражение огромной хозяйственной роли лука и стрелы в шаманстве. Наш обзор мы построим на археологическом, этнографическом, лингвистическом и архивном материале, относящемся, главным образом, к тюркоязычным племенам, обитающим в таежной полосе северного Алтая. Племена эти следующие: шорцы — живут в Кузнецком Алатау по системе рек Томи, Мрассы и Кондомы (ныне выделены в Горно-Шорский национальный район); шелканцы или челканцы (иногда называемые и лебединцами) — расселены по р. Лебедь и ее притокам, особенно, по Байголу, в Лебедском аймаке Ойротской автономной области; кумандинцы — обитают преимущественно в Старо-Бардинском и Солтонском районах б. Бийского округа и частично в Лебедском аймаке Ойротии; тубалары — главная масса — заселяют б. Успен-

ский, ныне Чойский аймак, затем Лебедской аймак, частично Ойрот-Туринский и Эликмонарский¹ аймаки Ойротской автономной области; расселены преимущественно по системам рр. Сары-кокши, Кара-кокши, Уйменя, Пыжи, по северо-западному побережью Телецкого озера.

Одновременно используем для сравнения аналогичный материал, относящийся к населению Саяно-Алтайского нагорья, предпочтительно тому населению, где общественно-экономическое развитие общества было примерно на том же уровне развития, что и в северном Алтае, и где охотничье производство имело большое хозяйственное значение.

2

У племен северного Алтая, как и вообще у всех алтайцев, охотничий лук является одним из древнейших и основных орудий производства. Несомненно, лук предшествовал здесь ружью. В охотничьем производстве населения Алтая лук непрерывно служит важнейшим орудием производства многие тысячелетия до XIX в. включительно. Царская колониальная политика на Алтае, тормозившая развитие производительных сил покоренных алтайцев, всемерно способствовала застойности их хозяйственного развития. [Благодаря политике систематического грабежа и угнетения, которую проводил царский колониальный аппарат на Алтае от казака, купца, миссионера, чиновника до крестьянина кулака включительно, у алтайцев свыше 300 лет господствовали невероятно отсталые приемы хозяйствования, в значительной части унаследованные с тех далеких времен, когда развитие труда еще находилось в пеленках. Вот почему еще во второй половине XIX в. у алтайцев употреблялся на охоте лук.]

В своем исследовании „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ Ф. Энгельс пишет, что изобретение лука и стрелы знаменует собой начальную стадию высшей ступени дикости. Благодаря луку и стреле „дичь стала постоянным средством питания, и охота — одной из нормальных отраслей труда. Лук, тетива и стрела образуют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт и изощренные умственные силы, а следовательно одновременное знакомство с множеством других изобретений...“. „Для дикого состояния лук и стрелы были тем же, чем железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации — решающим оружием“.²

Главнейшим источником для суждения о длительном существовании лука на Алтае служит археологический материал. Последний указывает на существование лука на Алтае в эпоху, предшествующую употреблению металла, о чем свидетельствует находка на р. Ян-Улаган. Здесь в грунтовых погребальных ямах лежали окрашенные костяки, и в грудном позвонке одного из них торчал глубоко вонзившийся кремневый наконечник стрелы.³ Погребение

¹ Ойрот-туринский аймак — б. Майминский; Эликмонарский — б. Чемальский. Переименование произошло в 1933 г.

² Стр. 22, 23, изд. 1932 г.

³ С. И. Руденко. Погребение человека каменного века в восточном Алтае. Природа 1926, № 5—6.

относится к ранней стадии родового общества.¹ Позднейшие погребения в предгорьях Алтая (в б. Бийском округе), относящиеся к эпохе родового же общества, синхроничные погребениям, обнаруженным близ деревни Андроновой б. Ачинского округа,² также дают возможность утверждать, что население этой эпохи охотилось на зверя при помощи лука и стрел. Тем более это нужно сказать про погребения, синхроничные „карасукским“ (близ Батени в Хакасии), исследованные по р. Оби близ села Большереченского.³

В более поздних погребениях, датируемых примерно VII веком н. э., следы, говорящие об употреблении лука, обнаруживаются также систематически. Находки состоят преимущественно из костяных и медных стрел трехгранной формы, приспособленных для всаживания в древко, а также остатков таких древков (см. курганы №№ 2 и 4 на реке Бухтарме).⁴ В курганах близ г. Бийска и с. Сростки костяные стрелы найдены вместе с бронзовыми стрелами и железными ножами.⁵ В курганах на р. Катанде, раскопанных В. Радловым, костяные стрелы попадают вместе с железными стрелами — трехлопастными, с широкими лопастями;⁶ там же обнаружены остатки лука, наряду с железной саблей, копьем, ножами и заступом. В могильнике близ аила Кудерге, по р. Чулышману, найдены железные наконечники стрел, трехлопастные, плоские, однолопастные — несколько типов. Эти наконечники „имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко; при некоторых из них встречаются полые, костяные шарики с прорезами, издающие при полете стрелы свистящий звук“.⁷ „Поющими“ стрелами славились древние „ту-гю“ китайских летописей, обитавшие в Алтае. Подобную стрелу В. Радлову показали телеуты в 70-х годах прошлого столетия. Он пишет: „На одной из стрел между древком и наконечником был укреплен пустой роговой шарик с несколькими отверстиями.“⁸ При полете такая стрела издавала гудение и могла употребляться при военных операциях, имея целью оказать влияние на моральное состояние противника, как это думает Н. Козьмин.⁹ Однако не менее вероятно употребление „поющих“ стрел и при охоте на зверя. Так, например, в сказках тубаларов мы встречаем стрелу „kosty ok“ (буквально с глазами, с дырочками). По объяснению тубаларов такие стрелы в старину употреблялись при охоте на марала (*Cervus canadensis asiaticus* Sev.). Когда марал уходил от охотника, последний выпускал ему вслед свистящую стрелу, и это, будто бы, задержи-

¹ См. Саяно-Алтайскую выставку в Этнографическом отделе Гос. Русск. музея, шкаф № 3.

² См. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Мат. по этногр., т. III, вып. 2, 1927. Его же. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Мат. по этногр., т. IV, вып. 2, 1929.

³ М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

⁴ А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. Изв. Арх. ком.; вып. 62. Петроград, 1916.

⁵ М. П. Грязнов, цитир. работа, стр. 7.

⁶ W. Radloff. Aus Sibirien. Bd. II, Leipzig, 1884; Зап. Русск. Археол. общ., т. VII (новая серия). СПб., 1895; А. А. Захаров. Мат. по археол. Сибири. Тр. Гос. Ист. музея, вып. I. Москва, 1926.

⁷ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае, стр. 45. Мат. по этногр. т. III, вып. 2, 1927.

⁸ „Aus Sibirien“, Bd. I, S. 336.

⁹ Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 19.

вало маралэ, который останавливался и прислушивался к свисту, озираясь по сторонам.)

В могилах Кудырге найдены и остатки колчанов из бересты. Но особенно ценно обнаруженное здесь изображение лука, которое дает представление о форме и внешнем виде его, что крайне важно, так как луки, захороненные в могилах, сгнивают. Изображение лука находится на костяной обкладке передней луки седла из могилы № 9 и представляет собой короткий лук с сильно загнутыми концами. При этом на рисунке хорошо виден широколопастный наконечник стрелы такой же формы, какая найдена в этом же могильнике.¹ Между прочим, интересно отметить, что в могилах Кудырге вместе с колчаном была найдена связка стрел, не имеющая металлических наконечников, слегка утолщенных и заостренных на конце. Очевидно, эти стрелы употреблялись для охоты на ценных пушных зверьков и предохраняли шкурку зверя, убитого такой стрелой, от порчи. Доброкачественная пушнина была нужна алтайцам для уплаты дани различным могущественным феодалам Азии, в зависимости у которых алтайцы постоянно находились.

Между прочим, в сказках тех же тубаларов упоминаются тупые стрелы с утолщением на конце; они назывались „*tomor*“ и имели целью сберечь шкурку ценного зверька от порчи. Любопытно, что в фольклоре северных алтайцев, особенно в сказках, мы находим живую иллюстрацию и описание археологического материала по части стрел. Кроме упомянутых, в сказках северных алтайцев упоминаются следующие типы стрел: „*kajbur ok*“ — боевая, медная стрела² „*sogon*“. Последнее название бытует до сего времени. Алтайцы правого берега Катунь под термином „*sogon*“ в настоящее время подразумевают стрелу самострела или же стрелу, составляющую часть деревянного капкана, которая прижимает пойманного зверька. Старик Бардымаш Тюхтенев, живущий по р. Куюму (правый приток Катунь), сообщил нам, что термином „*Sogon*“ в старину обозначали стрелу ручного лука, который назывался „*Saadak*“. У тубаларов в настоящее время термин „*Saadak*“ употребляется в значении стрелы ручного лука. У шорцев — это лук с полным прибором, а у телеутов — богатырский сказочный лук, наделенный свойствами живого существа. Далее, в сказках тубаларов упоминается стрела „*kastak*“. По сообщению В. Вербицкого (словарь, стр. 133), телеуты термином „*kastak*“ называют наконечник стрелы. В сказках шорцев верховьев Кондомы — это богатырский лук, обладающий свойством ходить, разговаривать, поражать врагов.³ У алтайцев, живущих по правому берегу Катунь, „*kastak*“ — значит деревянная основа самострела, ставящегося на крупного зверя. У шорцев рода калар с термином „*kastak*“ связывается представление о хорошей примете, сулящей успех в охоте.⁴ Наконец, в сказках же встречается термин „*jebe*“, означающий

¹ С. Руденко и А. Глухов, цит. работа.

² В. Вербицкий. Словарь алтайского и алодачского наречий тюрского языка. Казань, 1884, стр. 116.

³ В низовьях реки Кондомы легендарный богатырский лук фигурирует под названием „ортакшын“ (Словарь В. Вербицкого, стр. 222).

⁴ Л. П. Потапов. Охотничьи обряды и поверья у алтайцев. Журн. Культура и письменн. Востока, кн. V, 1929, Баку, стр. 129.

стрелу. У телеутов он до последнего времени означал стрелу с железным наконечником, который у тубаларов называется „сін“, а у правобережных катунских алтайцев „сар“.

Кроме того, в сказках алтайцев часто фигурируют луки богатырские. Они „были большие, черные и крепкие (ortakşyn) с железною стрелою. Стрелы были 60- и 90-конечные. У хана Тюдоя лук был из рога тика (*Capra sibirica*), а тетива из цельной маральей кожи“.¹ Из насмешек же, которыми один род дразнит другой, можно заключить, что луки обкладывались берестой. Так, про род „tabьскь“ по р. Чумышу говорят: *tas tabьska, sas jurtlug, sagalak nemnig, tos saadoktyg* и т. д., т. е. — плешивые табыски, живущие в болоте, питающиеся сагалаками (маленькая усатая рыбка), с берестяными луками и т. д.²

Перечисленные выше археологические находки и примеры увязывающегося с ними фольклорного материала достаточно убедительно свидетельствуют о древности и широком употреблении лука.

В начале XVII века русские завоеватели застали племена северного Алтая охотившимися с луком. Это подтверждается официальными документами кузнецких воевод, которые в отписках своих московскому государю упоминают, что при сборе ясака у неплатежеспособных „татар“ брали луки и таганы железные „в соболей место“.³ Известно также, что северные алтайцы, будучи до присоединения к России „киштымами“ — данниками Алтын-хана, затем контайши — Джунгарии, платили дань различными изделиями из железа, в том числе и стрелами железными. Из „Розыскного дела о жестоких поступках с калмыками бывшего кузнецкого коменданта Бориса Синявина, по жалобе на него калмыцкого князя Байгорока Табунова“ мы узнаем, что сборщики контайши приезжали из Урги к кумандинцам, шорцам, шелканцам и собирали „alman“ (дань) железными наконечниками стрел.⁴ В числе железных изделий, которыми уплачивали джунгарскому хану „alman“ тубалары, также фигурируют железные стрелы. Про „кузнецких татар“ (главным образом шорцов) Г. Миллер сообщает: „иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали, и тогда они татары откупывались у них подарками, а именно давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее для освобождения себя от полону, или от горшего еще заключения“.⁵ Джунгары, помимо железных наконечников, обязывали своих данников доставлять и орлиные перья на опушку стрел. „Каждый барабинский татарин обязан был зюнгарцам в год алмана по одной лисице, а за неимением по одному речному бобру или по полукоже юфтевой, но если и сего не в состоянии доставить, по 20 стрел и к ним для опушки по 5-ти крыльев орлиных“.⁶ Очевидно, последнее обстоятельство нашло свое отражение в насмешке над шорским родом „кьj“, обитавшим в системе р. Мрассы,

¹ В. Вербицкий. Алтайские инородцы. Москва, 1893, стр. 144.

² Г. Потанин. Очерки Сес.-Зап. Монголии, т. IV, стр. 938.

³ Акты исторические, т. III, стр. 374.

⁴ Памятники Сиб. истории XVIII века, кн. II. СПб., 1885, стр. 295—350.

⁵ Г. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, стр. 417, см. также Фишер Сибирская история, СПб., 1774, стр. 213.

⁶ О присоединении к Российским владениям южной части Запад. Сабири. Томск. губ. вед. 1859, № 13, то же у Фишера, стр. 441 (подчеркнуто нами. Л. П.).

гласящей: „кѣѣксѣн сугузур talазыр кѣѣлар кесѣм алтынга кирген“ — споривши об орлиных перьях, кѣѣцы забились под кичим¹ (кожаный покров подседываемого войлока).

Знаменитый путешественник П. Паллас пишет про роды „kobyj“ и „karga“, ныне обитающие в Шории: „кобыйское поколение состоит из 53 луков, Каргинское из 40“.² Из этого видно, какое громадное значение имел в то время лук, если количеством луков определялась численная характеристика рода или поколения. Относительно кумандинцев нас осведомляет Н. Шерр: „прежде кумандинцы употребляли для охоты лук, и до сих пор вместо подписи они употребляют изображение лука, но последний уже вышел из употребления“.³ В протоколе допроса „ясачных татар“ (кумандинцев и шелканцев) по делу коменданта Кузнецкой крепости Бориса Синявина „У подлинного допросу в прикладывании иноземческих рук написано два лука. К сему допросу вместо Торугача Чемонова, Егондоя Шеучина по своей вере знаки приложа“.⁴ По сообщению В. Радлова у южных алтайцев есть тамга (ja), которая изображает и называется лук.⁵ В. Радлов же указывает дальше, что лук и стрелы исчезли у алтайцев уже в начале девятнадцатого столетия. Однако, у тубаларов во второй половине прошлого столетия еще промышляли с луком. Современные взрослые охотники тубалары, например, в урочище Салганду, Чойского аймака, хорошо помнят, как их деды промышляли с луком. Дед Осипа Одукова по имени Одук и его товарищ Согой били из лука сохатых на расстоянии 100 сажень. Лук назывался „ja“, стрела „Saadak“. Тетива (kiriş) делалась из ремня, а наконечник стрелы был железный. В годы, когда употребление на промысле лука у тубаларов было явлением довольно обычным, у телеутов Кузнецкого уезда В. Радлову показывали лук в качестве старинной вещи: „Лук состоял из четырех слоев: слой рога, затем слой сухожилий и слой бересты. Стрелы были с железными наконечниками разных размеров и формы“.⁶ Одновременно Радлову удалось видеть старинный кожаный колчан с деревянным остовом, носившийся на груди, на ремне, надеваемом на шею. У шорцев к концу XIX в. из лука стреляли мелких зверьков и рыбу. Посетивший шорцев в 80 годах А. В. Адрианов отмечает: „бурундука, а также рыбу стреляют из небольшого лучка, окча; стрела, цоган (sogan. Л. П.) представляет нетолстую круглую палочку, конец которой делается в виде набалдашника“.⁷ О ценности лука, как орудия производства у алтайцев, можно судить, например, из одного документа половины XVIII в. В реестре вещей, составленном алтайским зайсаном Боохолом в качестве приложения к заявлению русскому пограничному начальству, по поводу обид и убытков, причиненных Боохолу [зайсаном Научатом и русским

¹ В. Вербицкий. Словарь, стр. 158.

² П. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786, ч. III, стр. 508.

³ Из поездки к кумандинцам в 1898 г. Алтайский сборник, т. V. Барнаул, 1903, стр. 97.

⁴ Памятники Сиб. истории XVIII в., кн. II, № 77.

⁵ Aus Sibirien, I, S. 279.

⁶ Там же, стр. 33.

⁷ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. РГО по общ. географ., т. XI. СПб., 1888.

чиновником Девятияровским, имеется оценка вещей, которых лишился зайсан Боохол от грабежей обидчиков. По этой оценке стоимость лука превышает стоимость лошади-кобылицы. Лук оценен в 3 руб. 60 коп., а лошадь в 3 руб.¹

Весьма вероятно, что в эпоху родового строя и его разложения у племен северного Алтая лук и стрела являлись мерилем натурального обмена, выполняющим функцию денег, подобно тому как в южном Алтае такой натуральной единицей обмена являлся годовалый баран „tohtun“, а в восточном Алтае еще во 2-й половине XIX в. эту роль выполняла белка.² На эту мысль наводит следующее обстоятельство. У шорцев, тубаларов, алтайцев для обозначения слова деньги употребляют термин „окса || окса“. У шорцев окса означает 'стрела', 'лук'. У шелканцев и кумандинцев „ок“ 'стрела', а „са“ 'лук'. Таким образом, термин деньги „окса“ разъясняется как 'стрела' + 'лук'. У шорцев мелкая монета называется „ок — окса“, т. е. также 'стрела' + 'лук'.

3

Однако наиболее яркий материал о древности лука, о его значении для общества с охотничьим производством, каковым являлись племена северного Алтая, таится в шаманских верованиях этих племен, насыщенных отражением общественных материальных процессов этого общества. В шаманстве племен северного Алтая, как и вообще в шаманстве племен, стоящих на таком же уровне общественного развития, особенно в Саяно-Алтайском нагорье, лук и стрела имеют большое значение. На могилу покойника мужчины, еще лет 50 тому назад, шорцы клали сломанный пополам лук, настолько была тесно связана жизнь мужчины с луком, с этим основным орудием производства. Многие алтайские шаманы до последнего времени шаманили с небольшим луком в руках вместо бубна. Такой лук называется *tөлгө*. Известный исследователь шаманства у алтайцев А. В. Анохин пишет: „шаман и шаманка могут заменять бубен лучком *jölgö*. Впрочем *jölgö* не может обслуживать полного камлания, а только часть его, когда узнают волю духов. Есть такие шаманы и шаманки, которые при совершении многих обрядов ограничиваются только одним *jölgö*. Но последние обслуживают религиозные нужды только своих родственников“.³ В приведенном сообщении А. В. Анохина необходимо обратить внимание на два существеннейших момента. Во-первых, с луком производится наиболее важная и ответственная часть моления, когда шаман вступает в непосредственное общение с теми или иными духами, чтобы узнать их волю. Во-вторых, моление с луком вместо бубна обслуживает нужды только родственников. Родовой характер камлания с луком „*tөлгө*“ вскрывается и терминологически. Слово *tөл* — обозначает род (на ряду с этим для обозначения рода употребляется и „*seek*“ — букв. кость). Последнее обстоятельство служит прямым указанием на употребление лука в качестве культового орудия в эпоху родового общества

¹ Материалы для истории Сибири. Чтения в Общ. ист. и древн. рос., 1866, кн. 4-я, стр. 99—100.

² Л. П. Потапов. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933, стр. 131.

³ Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1925, изд. Акад. Наук, стр. 52. Ср. Г. Потанин. Очерки Сев.-Зап. Монголии, IV, стр. 135.

алтайцев и, очевидно, в эпоху материнского рода, так как женщины-шаманки также камлают с луком, как и мужчины, в то время как в повседневной жизни ни женщине ни девочке нельзя дотронуться до орудий охоты и рыболовства. В дальнейшем, с разложением родового общества, родовые шаманы перестают обслуживать культовые нужды только родственников. Это связано на Алтае с моментом развития скотоводства, способствовавшего быстрому развитию частной собственности. Однако, бубен на этой стадии развития уже символизирует не лук, а ездовое животное (чаще лошадь, раньше лошади — оленя). К этому вопросу нам еще придется вернуться, но уже в специальной работе. В настоящий же момент постараемся привлечь материал, на основании которого мы выдвигаем положение о том, что до появления шаманского бубна у алтайцев орудием культового действия являлись лук и стрела и что с появлением бубна последний выполнял функции культового лука, приняв на себя по функции же и название лука. — это разные явления

Камлание с луком производили все северные алтайцы до самого последнего времени. У тубаларов и шорцев мы это выяснили и частично наблюдали лично. О шелканцах подобное указание находим у В. Радлова,¹ а о кумандинцах имеем сообщение этнографа А. И. Новикова, который еще в 1927 г. наблюдал у кумандинцев камлание с луком охотничьему духу „tajgam“, изображение которого состоит из двух двойных сшитых берестяных пластинок квадратной формы, внутри которых находятся в верхней 9, а в нижней 7 зерен ячменя. После камлания лук остается висеть в избе. Характерно, что у шорцев в некоторых улусах (например, в улусе Кочин, по сообщению И. Д. Старынкевич) во время камлания охотничьему духу, называемому также „tajgam“, однако имеющему антропоморфизированное изображение, вешают не лук, а уже ружье. При помощи лука происходит ворожба или гадание у бурят. „Гадание при помощи лука производят двумя способами: то по характеру звука, издаваемого с большей или меньшей силою натягиваемой тетивой, причем лук приближают к самому уху, или же глядят вдоль тетивы на огонь“.² Это — все остатки или пережитки того времени, когда лук предшествовал шаманскому бубну в качестве орудия культового действия.

Обратимся к фактам, подтверждающим высказанное нами выше положение о функциональной замене лука бубном.

Мы усматриваем это прежде всего в том, что еще до сего времени, при изучении шаманских бубнов, мы наталкивались на факты, которые совершенно определенно указывают, что бубен замещает лук. На Алтае шаман во время моления прицеливается из бубна в злых духов, как из лука.³ Это согласуется с указанием Г. Н. Потанина, отметившего: „Во время шаманской мистерии бубен представляет лук, посредством которого он (шаман. Л. П.) пускает стрелы во враждебных духов“.⁴ Подобный материал в отношении сойотов дает Яковлев, который пишет: шаманы „принимают вид самых различных животных, растений,

¹ „Aus Sibirien“, I, S. 362.

² Агапитов и Хангалов. Мат. по изучению шаманства в Сибири Иркутск, 1883, стр. 111.

³ „Природа и население Алтая“. См. Томские епарх. вед., 1890, № 19, и 1886, № 22.

⁴ Г. Н. Потанин. Громовник по поверьям племен южной Сибири и Сев. Монголии. Журн. мин. нар. просв., 1882, стр. 136.

неодушевленных предметов и т. д. Один пасется в виде зверя, другой принимает вид охотника, подстреливает его. На случай защиты поэтому у каждого шамана имеется при бубне стрела, украшенная лентами и конскими волосами, да и сам бубен изображает между прочим лук, а колотушка при нем стрелу.¹ Это подтверждает для племен Минусинского края Н. Катанов в своем отчете о поездке в Минусинский округ в 1896 г.² О том же говорят и названия отдельных частей шаманского бубна. Например, у всех племен Алтая в каждом шаманском бубне имеется железная поперечина в виде крученого железного прута. Название этой поперечины у всех алтайцев „kiriş“ — буквально — тетива. То же самое название с точно таким же переводом и значением эта железная поперечина имеет у населения Минусинского края („kiris“) и у сойотов (kiriş).³ Железные подвески, расположенные на указанной поперечине, у шорцев символизируют стрелы, что подтверждает для всех алтайцев А. В. Анохин.⁴ Но может быть более поразительным доказательством служит название бубна у шорцев и телеутов, самый простой анализ которого говорит нам, что в основе этого названия лежит название лука, которое, в свою очередь, восходит к руке. У телеутов бубен называется jagal (yağal). У шорцев бубен в шаманских обращениях, во время моления, называется sagal (← tağal), т. е. так же, как и у телеутов, только в шорском произношении звука „j“. Для алтайцев Г. Н. Потанин приводит такое же название, как и у телеутов, „jagal“.⁵ Наряду с этим в настоящее время для названия бубна более употребительны в постоянном обиходе термины „tunur“ для алтайцев и „tuur“ для шорцев. Рассмотрим эти термины. „Sagal“ (← tağal) представляет собой термин, скрещенный из двух элементов: элемента С [sa(n)] и элемента А (gal). Семантика этого скрещенного термина такова: са — у шелканцев и кумандинцев означает лук, у тубаларов и алтайцев оно произносится ja — и также значит лук, в сагайском и кобальском наречии лук называется „sag“, у шорцев, кроме того, „са“ и „sag“ означает войну, неприятеля, что также увязывается с луком. Вторая часть термина „sagal“ — gal или ġal (← kal || kol 'рука') сводится к руке. Что касается второго термина tunur (tungur), то не трудно видеть, что он состоит из тех же скрещенных элементов С + А, как и в термине sagal: са (n) + gal || tun + gur. Итак, самый простой анализ названия бубна у алтайцев показывает, что в основе этого названия лежит лук, а еще раньше рука, и позволяет нам наметить начало семантического ряда: 'рука' → 'лук' → 'бубен'. Следовательно, первоначально бубен получил название лука по культовой функции лука, который им был замещен. Замененный бубном, по культовой функции, лук сохранился в качестве неперемennого атрибута на

¹ Этнографические заметки о сойотах и урянхайцах. Изв. Красноярского подотдела ВСОИРГО, т. I, вып. III, стр. 53. Его же. Этнографич. обзор инород. населения южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 56 (одчеркнуто нами. Л. П.).

² Учен. зап. Казан. унив., LXIV, кн. III, стр. 29.

³ Письма Н. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893, стр. 13. Г. Потанин. О крестообразных фигурах на шаманских бубнах и писаницах. Изв. „ВСОИРГО, XXIV, № 2, стр. 13. Яковлев. Этнограф. обзор., стр. 56.

⁴ „Материалы по шаманству у алтайцев“, стр. 53.

⁵ Г. Потанин. Очерки Сев.-Зап. Монголии, II, стр. 22, примеч. к 3-й главе.

шаманском костюме в виде небольшой модели или на шаманском бубне в виде рисунка, нанесенного краской. У алтайцев на спине шаманского плаща „пришивается один десяток луков (ja) со стрелами (jäbä). У некоторых (плащей. Л. П.) луков бывает два“.¹ У карагасов на спине шаманского костюма пришивается маленький лук и колчан.² А. Кастрен сообщает про „минусинских татар“, что „они на бубне изображали лук и стрелы“.³ На рисунке шаманского бубна из Минусинского края, приведенном у Н. Катанова, шаман стреляет из лука.⁴ Чрезвычайно любопытный в этом отношении материал дают рисунки на скалах по р. Енисею. Между прочим, по сообщению С. А. Теплоухова, впервые бубен появляется на писаницах VI в. На енисейских писаницах шаман часто изображен вместе с охотниками, вооруженными луком, как это хорошо можно видеть из рисунков писаниц, собранных в работе И. Савенкова, посвященной памятникам изобразительного искусства на Енисее.⁵ Например, рисунок на Петрошиловском петроглифе (см. работу И. Савенкова, табл. II, рис. XIX, фиг. 6 и 7) изображает группу охотников, вооруженных луками, охотящихся на лосей. Среди охотников — шаман с бубном. Охотники вместе с шаманом окружили лосей с четырех сторон.

Наше положение о луке как культовом орудии в охотничьем обществе и его огромном значении в комплексе шаманских действий и воззрений может быть подкреплено еще и привлечением терминов гадателей, колдунов, шаманов, большинство которых теснейшим образом связано с луком, восходит к термину лук или до сих пор еще сохраняет смысл „лучника“, т. е. человека, постоянно пользующегося луком. Таков, например, джагатайский термин „сајсь“ (ṣaṣy), означающий одновременно: колдуна, предсказателя посредством лука и стрелка из лука.⁶ В алтайском и шорском наречиях этот термин означает творца (произносится: „јајсь“, и „сајсь“). У тобольских татар он означает „колдовство“.⁷ Основа данного термина сај (частица „сь“ — обозначает профессию), или в другом произношении „јај“, — в наречиях: крымском, джагатайском, османском, а также в алтайском, телеутском, шелканском, койбальском и др. (в усеченной форме: ja) — значит лук. Приведем другой пример. Уйгурский термин „сыпаксь“ имеет значения: ворожей, подсказыватель. У киргизов, по сообщению С. М. Абрамзона, „сансь“, „сыпсь“ — предсказатель погоды, судьбы людей и т. п. У сагайцев и алтайцев „сыпа“ — шаманская ворожба. Все эти термины могут быть также сведены к одной основе — „сан“, которая в форме „санај“ сохранялась в наречии тобольских татар со значением лука для стрельбы,⁸ а в абаканских говорах „саа“ также в значении лук, оружие. То же самое можно сказать и в отношении шорского и алтайского термина „telgәsi“, означающего гадателя, ворожея при помощи лука. Выше мы показали, что лук, с которым до

¹ А. Анохин. Матерьялы по шаманству у алтайцев. Сборник МАЭ, т. IV, вып. 2, стр. 41.

² Б. Чудинов. Путешествие по Карагасии. 1931, стр. 95.

³ Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Сев. России и Сибири. Москва, 1860, стр. 444.

⁴ Отчет о поездке в 1896 г. в Минусинский округ, стр. 32.

⁵ И. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Москва. 1910.

⁶ В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 14. надо.

⁷ В. Радлов. Словарь, III, стр. 14. надо.

⁸ Значение слов по словарю В. Радлова.

последнего времени шаманили на Алтае, назывался *telge*. Приведенные примеры сами говорят за себя. Наши доказательства можно продолжить по линии стрелы. На роль стрелы в обрядах как оберега от злых духов указывал Н. И. Веселовский.¹ Мы находим возможным полагать, что стрела выполняла роль магического, культового орудия у алтайцев в эпоху материнского рода. На эту мысль наводит то обстоятельство, что у алтайцев, как у целого ряда других племен Саяно-Алтайского нагорья, стрела и лук являются принадлежностью весьма древнего женского божества, покровительницы детей *Umaj*, известной еще по орхонским надгробным памятникам VI—VIII веков (напр., памятник Кюль-Тегина).² Стрела и лук в Саяно-Алтае тесно связаны с культом указанного женского божества. Несомненно, до появления шаманского бубна стрела, как и лук, выполняли роль культового орудия. Древние предания бурят гласят, что во время общественных облав на зверей (патриархальная родовая община) старший облавы обращался перед началом охоты с речью к духам, держа в руках стрелу.³ Г. Потанин во время путешествия по Монголии наблюдал у дюрбютов, как во время жертвоприношений огню хозяин держал в руках стрелу.⁴ Более ярким доказательством в пользу нашего положения о стреле как о распространенном орудии культового действия является та тесная связь современных шаманов со стрелой, которая выражается в отождествлении магической силы шамана со стрелой. Например, у бурят шаманы делятся на сильных и слабых. Сильный шаман должен обладать „шаманским наследством“, „шаманским происхождением“, „шаманским корнем“, называемым по бурятски — „утха“, причем „утха“ буквально значит стрела.⁵ Аналогичное представление находим у алтайцев и тубаларов. Здесь „сильный шаман“, обладающий шаманской силой по наследству от умерших прежде родственников шаманов, носит название — „uktu-kam“, т. е. шаман, имеющий „uk“. Термин *uk* ↔ *ok* означает стрелу. Таким образом, и у алтайцев шаманская „сила“ означает обладание стрелой, а титул 'великий', 'сильный' „uktu-kam“ — означает кама (или шамана), обладающего стрелой, ныне — магической силой, передаваемой по наследству через связь с умершими предками-шаманами, а раньше — настоящей, деревянной стрелой, с которой алтайцы, очевидно, подобно бурятам, совершали моление, держа ее в руках.

В свете предложенного нами толкования связи шаманской „силы“ современных шаманов со стрелой, как отражения, отголоска того времени, когда совершающий моление должен был прибегать к стреле как к магическому, культовому орудию, становится вполне понятным и объяснимым бурятский обычай, смутивший Г. Потанина и не объясненный до конца Б. Петри. Согласно

¹ „Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение“. Зап. Вост. отд. Русск. Арх. общ., XXV. См. также И. И. Зарубин. Дополнение к статье Н. И. Веселовского „Роль стрелы в обрядах...“.

² П. Мелиоранский. Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках с надписями. Журн. мин. нар. просв., 1898, июнь, стр. 266. Его же. Памятник Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Арх. общ., т. XII, вып. II—III, 1899.

³ Д. Клеменц и М. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Мат. по этногр., т. I, стр. 147.

⁴ Очерки Сев.-Зап. Монголии, IV, стр. 90.

⁵ Б. Э. Петри. Старая вера бурятского народа. Иркутск, 1928, стр. 50.

этому обычаю буряты во время похорон шамана, когда похоронная процессия отойдет от улуса, выпускают по направлению к улусу стрелу шамана (ухте), которую разыскивают на обратном пути с целью сохранить в данном роде шаманов, ибо со стрелой „возвращается“ в род и свойство шаманить.¹ Подобная связь шамана со стрелой выступает и у самоедских шаманов, судя по сообщениям П. Третьякова.² Можно было бы увеличить количество примеров, хотя бы на бурятском материале, иллюстрирующих участие стрелы при жертвоприношении, например огню, в качестве обязательного атрибута жертвенного акта.³

Из всего сказанного разъясняется и роль стрелы как оберега, особенно часто применявшегося для защиты ребенка от злых духов, например, у шорцев, шелканцев, телеутов, сагайцев, качинцев, сойотов, якубов, бурятов, дюрбютов — к колыбели мальчика подвешиваются лук и стрела.⁴

Возникает вопрос, под влиянием каких причин и при каких общественных условиях лук и стрела у племен Алтая приобрели значение культовых орудий. Выше мы уже имели случай высказать предположение о наделении культовыми функциями этих орудий в эпоху материнского рода. Огромное хозяйственное значение изобретения лука и стрелы, „благодаря чему дичь стала постоянным средством питания, а охота — одной из нормальных отраслей труда“ (Энгельс), не могло не отразиться в идеологии родового общества. При этом нужно иметь в виду и то обстоятельство, что мышление человека на этой стадии общественного развития могло объяснять способность лука и стрелы поражать зверя не физическими законами, а, скорее всего, истолковывать магически. Приведенные соображения вполне разъясняют роль лука и стрелы как магических, культовых орудий. Естественно, что и обладатели этими орудиями рассматривались как носители, распорядители магической силы, „заключенной“ в этих орудиях и „обеспечивающей“ успех в охоте. Отсюда позволительно наметить один из конкретных путей происхождения шаманов применительно к Алтаю, который схематически может быть представлен в следующем виде. С изобретением лука и стрелы разделение труда в охотничьем обществе весьма продвинулось вперед. В коллективных, облавных охотах четко разграничиваются функции загонщиков и стрелков, вооруженных луками. Бурятские предания о древних облавных охотах прекрасно это подтверждают. Стрелки-лучники вскоре становятся руководителями облавных охот, так как этому способствовала их производственная роль в процессе коллективной охоты на зверя. Владеющие таким сложным орудием, каким являлся лук, орудием, требующим значительной выучки в обращении с ним, стрелки становятся не только во главе руководства облавными охотами, но они являются руководителями в военных операциях и, оче-

¹ Б. Петри. Элементы родовой связи у бурят. Сиб. жив. старина, вып. II, Иркутск, 1924, стр. 106.—Агапитов и Хангалов. Мат. для изуч. шаманства в Сибири, стр. 149.—Потанин. Очерки. IV, стр. 57—58.

² „Туруханский край“, стр. 426. *надо по стрелам*

³ Агапитов и Хангалов, стр. 104—105.—Потанин. Очерки. IV, стр. 91. *зекс!*

⁴ Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 328.—Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. Муз. антроп. и этнограф., т. VI, стр. 27.—А. Кузнецова и Кулаков. Минусинские и Ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 130, 131.—Яковлев. Этнографич. обзор населения, стр. 10, 54.—Г. Потанин. „Очерки“. II, стр. 31 и др.

a
main
reminis?

видно, вскоре же сосредоточивают в своих руках и функции магического воздействия на производственный процесс, чему способствовало и представление о магических свойствах лука и стрелы, находящихся в руках распорядителей облавных охот. Магические функции являлись в то время составной частью производственного процесса и считались такими же производительными функциями, как, например, технический процесс охоты на того или иного зверя.

Наши суждения подкрепляются на бурятском материале, относящемся к стадии разложения родового общества. По преданию бурят руководителями древних облавных охот являлись шаманы, которые объединяли в своем лице функции руководителей охоты, руководителей военных операций и жрецов. Участники коллективных охот делились на три категории. Высшей категорией являлись шаманы-начальники, простые шаманы и дети высших шаманов. Они ездили на лошадях и были вооружены луками. Следующую категорию составляли облавщики и низшую — военнопленные рабы, выполнявшие наиболее тяжелую и черную работу. Перед началом и после охоты главный шаман устраивал моление охотничьим духам, держа в руках стрелу. Главный шаман руководил дележом добычи, из которой часть поступала в общественный фонд (han), находившийся в заведывании главного шамана. Из этого фонда часть мяса предназначалась для жертвоприношения. Лучшая же часть мяса и шкуры зверей при дележе откладывались для шаманов-начальников. Худшее мясо и внутренности отдавались рабам. Местами, в классовом обществе, шаманы узурпировали всю власть и общественный фонд, что дало резкое повышение их экономической мощи.

По мере разложения родового общества, шаманы постепенно отрывались от общественного производства и сосредоточились исключительно на магических функциях, которые долгое время являлись обязательной частью производственного процесса. В классовом обществе шаманы превращались в охранителей интересов господствующей, эксплуататорской верхушки. Однако, в идеологии производителей-охотников даже в классовом обществе магические приемы еще долгое время продолжают считаться необходимыми и производительными элементами производственного процесса. Артели охотников алтайцев, тубаларов, кумандинцев, шорцев до последнего времени брали с собой на промысел зверя стариков-сказочников, специальное назначение которых заключалось в том, чтобы они вечерами во время промысла в тайге рассказывали сказки для услаждения горных и лесных духов-хозяев, которые за это развлечение „посылают“ охотникам обильную добычу. Выполнение этой, по существу магической, функции считалось производительной работой, и при дележе добычи артель охотников наделяла стариков-сказочников полным и равным паем.